

СУБЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСТНОМАДОВ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

ИЛЕБАЕВА А.К.,

м.н.с. отдела политологии

ИФиППИ НАН КР

ualibrary@mail.ru

***Аннотация:** В данной статье анализируется сущность и специфика родоплеменных отношений постномадов и этнорегиональные отношения традиционно осёдлых этносов. Показана роль и значение субэтнических отношений в процессах этнического ренессанса в Центральной Азии в современных условиях.*

***Annotation:** This article is about antic nomad and ethnic regional relationship of the tradition ethnic. It shows the role and the meaning of the sub ethnic relation in the process of the ethnic renessans of the modern Centre Asia.*

Территория бывшего СССР, представляющая собой шестую часть суши Земного шара, была тем пространством, которое в течение многих тысячелетий осваивали тысячи этносов, традиционно ведших кочевой образ жизни. После снятия «железного занавеса» и краха марксистско-ленинской коммунистической идеологии появились огромные возможности и потребности в исследовании номадизма, как социального явления глобального значения. В ряд важнейших аспектов номадизма входят и субэтнические отношения номадов. В отличие от традиционно осёдлых народов постномады, кроме взаимоотношений между различными субэтноссами (например, казаки, поморы, старообрядцы у русских) и этнорегиональными особенностями сохранили родоплеменные отношения как особый тип и уровень субэтнических отношений.

Прежде чем раскрывать сущность субэтнических отношений, необходимо определиться с такими понятиями как «номады», «субэтнос» и «отношения», которые позволят рассмотреть номадизм, как особый способ организации человеческой жизнедеятельности, сформировавший эволюционным путём присущий для кочевого общества специфический традиционный образ мышления и действий. Адекватная интерпретация этих понятий будет способствовать систематизации их в чёткую теоретическую парадигму и главные тенденции исследования и определению направлений научно-обоснованных ориентиров дальнейшего изучения субэтнических отношений постномадов. Обзор имеющейся, научной литературы позволяет сделать вывод о том, что до настоящего времени сущность динамики и структуры субэтнических отношений посткочевых этносов мало разработана.

Как известно, термин «номады» с латинского переводится как кочевники. О роли кочевников в мировом историческом развитии упоминал К. Ясперс: «Вторжение кочевых народов из Центра Азии, достигших Китая, Индии и стран Запада (у них великие культуры древности заимствовали использование лошади), имело аналогичные последствия во всех трех областях: имея лошадей, эти кочевые народы познали даль мира. Они завоевали государства великих культур древности. Опасные предприятия и катастрофы помогли им понять хрупкость бытия, в качестве господствующей расы они привнесли в мир героическое и трагическое сознание, которое нашло свое отражение в эпосе». [1]

Сама по себе номадическая цивилизация относится к особому типу культуры, вообравшем в себя определённые характеристики сознания.

В чём же заключается специфика номадической идентичности и номадической культуры? Эта проблема приобретает особую актуальность для философов, занимающихся изучением особой роли кочевых этносов в истории человеческой цивилизации. Верно отмечает Ж.К.Урманбетова: «Номадическое мышление – это совершенно новый тип восприятия мира, противостоящий в своей основе спокойному течению мысли в древних цивилизациях и представляющий собой сплав динамизма и космичности – это и есть тип мышления кочевых народов Центра Азии, внесший разнообразие в бытие постоянства». [2]

В Центральной Азии проживает много постномадов, таких как кыргызы, казахи, каракалпаки, туркмены, кочевые узбеки и уйгуры, тувинцы, алтайцы, хакасы, шорцы, монголы, буряты и другие этносы, которые состоят из племён и родов, сохранивших до сегодняшнего дня родоплеменную идентичность и традиции или субэтносов. Эти родоплеменные подразделения сильно отличаются от первобытных племён и практикуют идеи родоплеменной лояльности и солидарности в этнографических, культурологических, этнополитических, а иногда и в политических целях.

Кочевые государственные образования, как правило, консолидировались на основе племенных конфедераций, во главе которых утверждалась сильная ханская власть, избираемая родоначальниками. Сами племена адаптировались под природный ландшафт, населяли подходящие и удобные для своей безопасности долины, предгорья, степи, имеющие со всех сторон естественные преграды в виде непроходных горных цепей в зимний период и полноводных артерий, неподвластных форсированию летом, весной и осенью.

Благодаря своей труднодоступности кочевые племена имели большую автономию от ханской ставки, вследствие чего кочевые государства явились аморфными образованиями. Родоплеменные структуры представляли собой те атомы, из которых конструировались целые ханства. Но сами племена, обладая большой политической и экономической самостоятельностью ввиду кочевого образа жизни, могли произвольно, исходя, из сиюминутных родоплеменных интересов, менять конфигурацию ханства, реформировать в ней руководящую элиту. У номадов параллельно сосуществовали три уровня этнической идентичности: родоплеменная, территориальная и общезтническая. Все три идентичности функционировали в различных режимах от гармоничного сосуществования конфигурации до конкуренции и конфликта.

Большую роль в политике кочевых государственных образований играли кровнородственные и родоплеменные отношения. Поэтому часто в угоду политической конъюктуре создавались брачные союзы между представителями элит тех или иных кланов, родов, племён, ханств, государств. Между племенами конфигурациями племён устанавливающиеся отношения, которые носят различный характер в зависимости от сложившегося соотношения сил. Данные субэтнические отношения могут быть отношениями сотрудничества, либо субординационными, сеньорско-вассальными, по старшинству племён, либо конфликтогенными, вражескими, антагонистическими.

Родоплеменные деления постномадов сохранились и в XXI веке. Так, казахи, идентифицируют себя в трёх жузах, которые именуются старшим, средним и младшим жузом, то есть делятся по старшинству. Хотя применяется и территориальный критерий, когда эти три жуза определяются как северный, южный и западный кланы. В Кыргызстане государствообразующий этнос также имеет три подразделения, три конфедерации племён – он канат, сол канат и ичкилик, напоминающие построение войск, состоящее из правого и левого крыльев и внутренних соединений.

Казахское деление на жузы имеет почти более выраженный институционализированный характер, чем кыргызское выделение двух флангов и внутреннего центра, и соответственно сознание подобной субидентичности у

современных казахов более ярко выражено и живуче, чем у кыргызов сегодня. Для кыргызов осознание региональной принадлежности, чем отождествление с той или иной конфедерацией племён, более приоритетно.

На сегодняшний день весьма ощутимо деление кыргызов на южан и северян.

Для традиционно осёдлых народов субэтническая идентичность в отличие от постномадов имеет более регионалистский характер.

Так, в Узбекистане, как утверждает Д.Глумсков, где самаркандский клан ведёт борьбу то с таджикскими, то с бухарскими и ферганскими клановыми группировками. [3]

Если у номадов и постномадов субэтнические отношения сложились между родами, племенами, а также между этнорегиональными общностями, представляющие из себя исторически сформировавшиеся комбинации родов и племён на той или иной обширной территории, испытавших на себе языковое, культурно-хозяйственное влияние соседних этносов, то у традиционно осёдлых этносов в отличие от кочевых и посткочевых этносов субэтнические отношения культивируются только между территориальными общностями, которые идентифицируют себя как этнизированные группы или субэтноты. Часто те или иные этнорегиональные общности относят себя к наибольшему выразителю и носителю признаков большого этноса, частью которого они себя считают. Для ташкентских узбеков «ферганские вообще считай, что и не узбеки».[4]

Именно в этом заключается их основное назначение. Единство этноса, благодаря которому они и существуют, для них принципиально важно, ибо к самостоятельной жизни субэтноты не приспособлены. Без этноса они сразу же распадаются и заканчивают своё существование. Субэтноты объединяют большие или мелкие группы людей, которых друг от друга отличает или язык, религия, род занятий, но всегда существуют резкие поведенческие отличия (стереотип поведения.) «Возникают субэтноты вследствие разных исторических обстоятельств, иногда совпадают с сословиями, но никогда с классами».[5]

Одним из важнейших атрибутов субэтнических отношений государственной и общественной жизни в постсоветских странах остаётся трайбализм. Вероятность всплеска трайбализма спровоцирован не только тем, что многие принципы этого явления не потеряли свой позитивный созидательный потенциал и в современных условиях, но и тем, что борьба за выживание приобрела особое значение для многих людей.

«Трайбализм - это, прежде всего, сохраняющиеся архаичные институты и организации, связанные с родоплеменным строем. Архаичность социального развития, низкий уровень этнических процессов, враждебное отношение одной этнической группы к другой, этношовинистическая политика, направленная на предоставление льгот и привилегий определенной этнической группе в целом или ее представителям использование этнического фактора в политических целях».[6] Российский туркестановед, проф. П.П. Литвинов, полемизируя с кыргызстанским политологом Н. Рахымбаем уулу, считающим, что пережитки прошлого несовместимы с «действительной демократией», указывал, что в самых развитых странах Запада по сей день процветают и «уруучулук» (трайбализм), и «тууганчы - (родство), и «жердештик» (землячество), обосновывая это убедительными примерами.[7] Казахстанские исследователи уточняют, что в Казахстане имеет место не трайбализм, а «родоплеменной и жузовый эгоцентризм, имеющий региональный подтекст и постепенно превращающийся в определенные группы давления (лобби)». И такие «группы давления» - это «относительно узкие политические круги, основанные на общности местнического, родоплеменного и жузового происхождения, активно добивающиеся удовлетворения собственных интересов с помощью целенаправленного воздействия на институты публичной власти».[8]

Центральноазиатским обществам, как в прошлом, так и в настоящем, разве что в завуалированной форме в 60-80е годы прошлого столетия, когда они находились в составе СССР, характерны субэтнические отношения, их архаичные формы как родоплеменной

центризм, этнорегионализм, непотические, патронажно-клиентальные, земляческие связи. Архаизация политических отношений в республиках Центральной Азии формирует конфликтную этнополитическую ситуацию и напряжённость в них. Рассмотрение субэтнических отношений в данном регионе демонстрирует, что племена и племенные конфедерации и постномады, а также их этнорегиональные образования и субэтноты, сформировавшиеся у традиционно осёдлых этносов на основе территориальных общностей, образуют единые этносы путём внутреннего неантагонистического соперничества, призванных поддерживать общэтническую консолидацию. Именно в этом заключается их основное назначение. Единство этноса, благодаря которому они и существуют, для них принципиально важно, ибо к самостоятельной жизни субэтноты не приспособлены. Без этноса они сразу же распадаются и заканчивают своё существование. Субэтноты объединяют большие или мелкие группы людей, которых друг от друга отличает или язык, религия, род занятий, но всегда существуют резкие поведенческие отличия (стереотип поведения.) «Возникают субэтноты вследствие разных исторических обстоятельств, иногда совпадают с сословиями, но никогда с классами».[9]

Субэтнические отношения следует рассматривать как активно целенаправленное воздействие индивидуальных и социальных характеристик, а также каждый из взаимодействующих этнических групп или их отдельных представителей. Самый высокий уровень развития политического интереса включает такие отношения как: политическая самостоятельность, взаимодействие, взаимозависимость, взаимоконкуренция и самоутверждение.

Даже в начале XXI века Центральная Азия – пространство обитания людей, где родоплеменные, клановорегиональные отношения до настоящего времени остаются основными неформальными институтами на политическом и иных пространствах. На сегодняшний день в общественной жизни казахов, кыргызов, туркмен и др. бывших кочевых народов имеет свой сегмент функционирования родоплеменные и клановорегиональные отношения. Как известно, бурные политические процессы поиска своего лица, места в глобальном меняющемся мире, дебаты о национальной идее, идеологии и т.п. стимулируют вопрос о роли отождествления себя с той или иной этнической, этнокультурной, региональной, гражданской общностью.

В условиях глобализации изучение, знание и использование родоплеменных, этнорегиональных особенностей кыргызов, как бывших номадов, в модернизированном виде будут помогать отражать суть субэтнических отношений. Одним из конфликтных факторов и развития субэтнических отношений в Кыргызстане являются также противоречия внутри самого кыргызского этноса, между племенами и родами, деление на которые не изжито за период социалистического развития. Следовательно, тысячелетиями испытанные, отшлифованные многовековым жизненным опытом народа, формы социально-экономических связей рода, игравшие определённую роль в производстве, распределении и управлении, воспитании, родоплеменные отношения с их идеологией не могли сойти со сцены в течение жизни двух-трёх поколений вследствие имеющихся в них целого ряда позитивных моментов.

Таким образом, структура субэтнических отношений постномадов в отличие от традиционно осёдлых этносов кроме этнорегиональных связей сохранила родоплеменные взаимоотношения, отразившие в себе наличие родоплеменной идентичности. В условиях системного социально-экономического и духовного кризиса, характерного для всего постсоветского пространства, идёт активный поиск этнической идентичности. Повсеместно процесс этнического ренессанса возрождает архаичные формы этнических отношений, как защитные механизмы в период кризиса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. – Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С.46.
2. Урманбетова Ж.К. Культура кыргызов в проекции философии истории. – Бишкек; Илим, 1997. – С.67.
3. Д.Глумсков, Узбекский рецедив... или узбекская свобода, «Эксперт-Казахстан» 2005, №10 (36).
4. В.Смирнов, Религия+деньги: кто поднял восстание в Андижане? Интервью с Вячеславом Смирновым, директором НИИ политической социологии, «Русский журнал» 2005, 25 мая.
5. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли, - М., 1997, - С. 139.
6. Абенов Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н. Казахстан: эволюция государства и общества.-Алматы, 1996.- С. 85-86.
7. Литвинов П.П Ключи от будущего искать в прошлом, // Слово Кыргызстана. Общенациональная газета. – 2006. – 3 марта.
8. Абенов Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н. Указ. Соч. – С.87.
9. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли, - М., 1997, - С. 139.